

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ | LAW

УДК 340.12

doi:10.35853/vestnik.gu.2024.12-2.03

5.1.1.

Законы социального развития и правовой прогресс

Сергей Иванович Архипов

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия, arhip10@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0154-5494>

Аннотация. В статье исследуются представления о социально-правовом развитии человечества И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля, а также родоначальников социологической науки: О. Конта, Сен-Симона, Дж. Ст. Милля, Г. Л. Спенсера. В результате проведенного анализа автор, во-первых, приходит к выводу о том, что законы диалектики не раскрывают направленности социально-правового прогресса, его траектории, исходного и конечного пунктов. Во-вторых, что нельзя законы природного мира переносить в социальную сферу, в основе которой лежат нравственные нормы и правовые идеалы, на биологическом фундаменте невозможно выстроить теорию общественного прогресса, прогнозировать социальное будущее, поскольку оно не определяется биологической природой человека. В-третьих, с переходом человечества от биологического к социальному состоянию внешнее целеполагание сменяется внутренним целеполаганием – осознанным социально-правовым выбором самого человечества. В-четвертых, чтобы социально-правовой прогресс стал закономерным, он должен опираться на систему правовой организации общества, в которой идея социального прогресса должна быть краеугольным камнем общественного сознания; правовой прогресс лишь тогда может стать законом общественной жизни, когда лежащая в его основе идея станет законом общественного сознания.

Ключевые слова: законы социального развития, правовой прогресс, правовое будущее, факторы правового развития, человеческая природа

Для цитирования: Архипов С. И. Законы социального развития и правовой прогресс // Вестник Гуманитарного университета. 2024. Т. 12, № 2. С. 50–64. DOI 10.35853/vestnik.gu.2024.12-2.03.

Laws of Social Development and Legal Progress

Sergey I. Arkhipov

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia,
arhip10@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0154-5494>

Abstract. The article examines the ideas of I. Kant, G. V. F. Hegel and the founders of sociological science on the socio-legal development of mankind: Au. Comte, Saint-Simon, J. S. Mill, H. L. Spencer. As a result of the analysis carried out by the author, it is concluded, firstly, that the laws of dialectics do not reveal the direction of socio-legal progress, its starting and ending points. Secondly, the laws of the natural world cannot be transferred to the social sphere, which is based on moral norms and legal ideals. It is impossible to build a theory of social progress on a biological basis, to predict the social future, since it is not determined by the biological nature of man. Thirdly, as humankind progresses from a biological to a social state, external goal-setting is supplanted by internal goal-setting – a conscious socio-legal choice on the part of humanity itself.

Fourthly, in order for social and legal progress to become natural, it must be based on a system of legal organization of society. This system should be founded on the idea of social progress, which should become the cornerstone of public consciousness. In this way, legal progress can only become the law of public life when the underlying idea becomes the law of public consciousness.

Keywords: laws of social development, legal progress, legal future, factors of legal development, human nature.

For citation: Arkhipov SI. Laws of Social Development and Legal Progress. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta = Bulletin of Liberal Arts University*. 2024;12(2):50-64. (In Russ.). DOI:10.35853/vestnik.gu.2024.12-2.03.

В философии и социологии сформировались две диаметрально противоположные позиции в отношении законов социального развития. Большинство исследователей полагает, что такие законы существуют и определяют ход истории. А. Р. Ж. Тюрго, Ж. А. Кондорсе, И. Кант, Г. В. Ф. Гегель, К. Маркс, Ф. Энгельс, О. Конт, Дж. Ст. Милль, например, считали, что поступательное развитие общества, социальный прогресс имеют закономерный характер, обусловлены самой человеческой природой. Однако в науке представлена и другая точка зрения, согласно которой ход человеческой истории предсказать невозможно, социальный прогресс не является неизбежным. Например, К. Поппер утверждал: «Невозможна теория исторического развития, основываясь на которой можно было бы заниматься историческим предсказанием» [Поппер 1993, с. 5], на вопрос о существовании закона или законов эволюции, по его мнению, следует ответить отрицательно [Там же, с. 124, 135].

Учитывая то обстоятельство, что уже в XIX в. идея прогресса, как овладевшего общественным сознанием нового божества [Кареев 1895, с. 262], в западном мире была отвергнута и ее «религиозный» дух постепенно угас, следует критически переосмыслить существующие в современной науке представления о социально-правовом развитии общества, определить свое отношение к ним. Назрела необходимость перехода от «слепой веры» в социальный прогресс либо его полного отрицания (крайностей оптимизма и пессимизма) к более взвешенной, конструктивной позиции, основанной на анализе социальной природы права, его роли в историческом процессе, в духовном преобразовании общества. Важно, с одной стороны, установить, как «работают» общие законы, открытые философами, социологами, в правовой сфере; с другой стороны, выявить внутренние механизмы развития права как особой социальной системы.

К числу общих законов, определяющих направленность и источники социального развития, обычно относят законы диалектики. В античности диалектику «считали только умением проделывать фокусы и вызывать иллюзии», И. Кант «освободил ее от видимости произвола», изложил «как необходимую деятельность разума» [Гегель 1970, с. 108]. Гегель же, применяя диалектику в своих теоретических построениях, стремился оживить «мертвые кости логики», но не ограничился ими, вывел диалектику за рамки логических конструкций, распространив ее на природу и общество. Он утверждал: «Диалектика... имеет силу во всех отдельных областях и образованиях природного и духовного мира», она присутствует «в правовой и нравственной области» [Гегель 1974, с. 208, 209], в политике, религии и т. д. Марксизм также признавал всеобщий, универсальный характер законов диалектики, рассматривал ее как науку о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления (Ф. Энгельс).

Основатель диалектического метода научного познания Платон исходил из того, что мир несовершенен, устроен беспорядочно, что законы логики, включая диалектическую, в нем не действуют. Гегель, напротив, полагал, что законы диалектики распространяются как на человеческое сознание, так и на внешний мир, природу и общество, определяют траекторию социально-правового развития человечества. Как и Кант, видевший в прогрессе «тайный замысел природы», автор «Науки логики» был убежден в том, что идея социально-правового прогресса закономерно осуществится в мировой истории. Он полагал, что рассудочное мышление, а также научное, является по своей

природе диалектическим, что первое представляет собой низший момент «истинного умозрения». Через человеческую природу, рассудочное и зрелое научное сознание диалектика приведет нас к идеальному социально-правовому мироустройству.

В данной концепции, на наш взгляд, есть слабое звено. Приложение диалектики к социальным отношениям предполагает наличие в них «внутреннего разума», целеустремленности и согласованности, логической взаимосвязанности социальных процессов, отсутствие субъективного произвола участников политической и других форм общественной коммуникации. Сам Гегель полагал, что диалектика – это «движущая душа... научного развертывания мысли» [Гегель 1974, с. 206], т. е. рефлексивного, научного сознания. Но дело в том, что субъекты политики в своих решениях и действиях не руководствуются принципами диалектической логики, мыслят не «по-гегелевски». Рассудочное мышление еще не есть настоящее диалектическое, как возможность бытия еще не есть само бытие. Политическая коммуникация – это не сфера научной рациональности, торжества диалектической логики, а мир практических интересов, природного тщеславия, властолюбия и корысти. В нем правят человеческие инстинкты, чувства национальной или классовой неприязни, идеологической нетерпимости, вражды, стремления к господству и т. д. Здесь торжествует не диалектический разум, а сила, власть. Борьба «тезиса» с «антитезисом» не приводит к синтезу, побеждает тот аргумент, за которым стоит сила господствующего большинства.

Сама по себе задача синтеза противоположных правовых идей и стоящих за ними интересов в праве является одной из сложнейших профессиональных юридических задач. Опыт правового регулирования отношений собственности в России показывает, что мы за двести лет так и не смогли синтезировать частные и публичные интересы в этой сфере. В XIX в. в результате реформ, ориентированных на западную модель абсолютной частной собственности на землю, был разрушен традиционный общинный уклад, что стало причиной известных революционных событий, крушения Российской империи. И. А. Покровский, отстаивавший римскую идею свободной собственности, с горечью отмечал в 1917 году, что дело идет к национализации земельной собственности, обнаруживается потребность в ее «общественном регулировании, говоря иначе – потребность в большей “солидаризации” и “социализации”» [Покровский 2001, с. 205]. И он был прав, в 1922 году В. И. Ленин в письме к Д. И. Курскому объявил новый принцип правового мироустройства: «Мы ничего “частного” не признаем, для нас *всё* в области хозяйства есть *публично-правовое*, а не частное» [Ленин 1970, с. 398].

После распада СССР происходит возврат к западной (римской) идее частной собственности. В результате двухсотлетнего противостояния двух полярных идей (собственности как частной свободы и собственности как социального долга) отечественная правовая наука и российский законодатель так и не пришли к «общему знаменателю», частные и публичные интересы ими не синтезированы в правовой конструкции права собственности. Правовая история собственности – это история борьбы двух крайних суждений, итогом которой не стало новое понятие, представляющее собой единство противоположностей.

В основе кантовских и гегелевских представлений о правовом прогрессе лежит вера в человеческий разум. Но разум в системе политической коммуникации не является «чистым», свободным от природных инстинктов. Кант полагал, что в человеке есть два вида природных задатков: положительные и отрицательные, все они предназначены для совершенного и целесообразного развития, направлены на применение его разума, ведут к неведомой для человека цели природы – достижению всеобщего правового гражданского общества. При этом он признавал то, что «человек есть *животное*, которое, живя среди других членов своего рода, *нуждается в господине*... который сломил бы его собственную волю и заставил его подчиняться общепризнанной воле, при которой каждый может пользоваться свободой. Где же он может найти такого господина? Только в человеческом роде. Но этот господин также есть животное, нуждающееся в

господине... Вот почему эта задача самая трудная из всех; более того, полностью *решить ее невозможно*» (выделено мною. – С. А.) [Кант 1994, с. 18–19].

Как человеку с его животными инстинктами (Гегель еще более иронично, чем Кант, определял животную сущность человека: «самочувствующее и самодвижущееся существо») без господина достичь всеобщего гражданско-правового состояния? Отрицательные задатки толкают его скорее на неправовой путь, чем на ту дорогу, которую ему указывают Кант и Гегель. Для него естественным, закономерным, привычным является путь политического господства, подчинение слабого, чем вступления с ним в правовые отношения. Выбирая между всеобщим правовым состоянием и мировым господством, он предпочтет мировое господство, поскольку этот вариант для него является более разумным, сулит большую политическую выгоду. Сторонники идеи закономерного, неизбежного правового прогресса человечества не учитывают данного сценария социального развития.

Разум, являющийся заложником негативных природных задатков, на наш взгляд, имеет не положительный, а отрицательный социальный «заряд», обладает способностью порождать социальные конфликты, несет угрозу человечеству. Самые кровопролитные во всемирной истории первая и вторая мировые войны были развязаны не «отсталыми», «непросвещенными» народами, а, как был убежден Гегель, находящейся на верхней ступени правового прогресса германской нацией. Согласно его теории, «германское царство» должно стать конечным пунктом в истории социально-правового прогресса [Гегель 1990, с. 376–377]. Но исторический выбор германской нации в XX веке в пользу идеи мирового господства опроверг его прогноз, стал самым сильным аргументом против гегелевской теории прогресса. То, чего не смогли сделать научные оппоненты Гегеля – опровергнуть его учение о социальном развитии человечества, было сделано избранным им в качестве правового эталона для всего мирового сообщества германским народом.

Диалектика социальных отношений, по мнению Канта и Гегеля, должна подтолкнуть человеческий разум к единственно правильному – правовому выбору. Антагонизмы, войны, иные политические конфликты должны быть той внешней силой, которая заставляет людей идти по дороге правового прогресса. Действительно, данные факторы имеют стимулирующее значение, оказывают определенное воздействие на человека. В XX в. можно выделить два периода, когда происходит движение человечества в правовом направлении: создание Лиги Наций после Первой мировой войны, ООН – после Второй; заключение целого ряда послевоенных международных договоров, конвенций, способствующих миру; принятие важных деклараций, закрепляющих права человека, гарантирующих ему политические и иные свободы и т. д. Однако влияние этих факторов оказалось весьма ограниченным по времени, импульс к правовому развитию и к достижению всеобщего мира после Первой мировой войны угас уже через 20 лет, после Второй – к периоду начала демонтажа созданной системы международной безопасности и возникновения однополярного мира.

Внешние стимулы, побуждающие человечество идти правовым путем, не привели к качественному изменению сознания человека, не трансформировались во внутренние мотивы его поведения, кардинально не изменили его животной природы. С исчезновением страха за свою жизнь у людей и народов вновь возникает стремление к мировому господству, к навязыванию своей воли другим, к нарушению их прав. Сами по себе конфликты, войны не приводят к изменению его естественных склонностей, к искоренению его отрицательных природных задатков. Без господина, о котором писал Кант, человечество не готово идти по пути создания справедливого правового мироустройства.

На наш взгляд, существующие в науке представления о диалектике социальных отношений не отражают в полной мере динамики и тенденций общественного развития. Это касается как кантовской, гегелевской, так и марксистской теории, претендующей на открытие всеобщих законов природы, мышления и социальной жизни. Когда правовой

прогресс рассматривается как осуществление «тайного замысла природы» (Кант), или как саморазвитие мирового духа (Гегель), или как объективный социальный процесс, в котором решающее значение имеют экономические факторы (Маркс, Энгельс), то речь идет об «игре внешних сил», внешней предопределенности правового развития.

В данной парадигме собственно правовая воля людей, народов, их целеполагание не имеют принципиального значения, правовые идеалы оказываются чем-то несущественным, второстепенным, неважным. Судьба человечества решается «потусторонними» силами, причем без его согласия, ему лишь следует осознать объективную необходимость хода исторического развития, принять уготованную всеобщими законами участь. Правовой прогресс рассматривается в рамках вышеназванных теорий не как собственный выбор человечества, попытка обретения им социальной свободы, как творческий процесс создания нового, не имеющего аналогов идеального общественного мира, а как следование неизвестному плану, который люди не могут изменить.

Сформировавшиеся в рамках немецкой классической философии (Кант, Гегель), а также в марксизме представления о социальном развитии, на наш взгляд, имеют односторонний характер, в них гипертрофирована роль объективных факторов, оказывающих влияние на поведение человека, отсутствует единство двух противоположных моментов: субъективного и объективного. Несомненно, природные задатки, социальные условия, внешняя среда имеют важное значение для общественных отношений, для их развития. Однако право – это мир духа, где элемент созидания, творчества не менее важен для социального прогресса. И чем дальше человек отрывается от мира природы, тем больше усиливается, возрастает роль творческого начала в праве. Нельзя поведение человека в социально-правовой сфере рассматривать по аналогии с животным, отвечающим рефлексивно на вызовы внешней среды. У каждого индивида и народа свой образ права, свои представления о правовых идеалах, собственные критерии правового и неправового. Каждый субъект действует в правовой сфере в соответствии со своей правовой картиной мира.

Правовой мир гораздо сложнее, чем мир биологических существ, в нем определяющее значение имеют не внешние «цели», а внутренние – собственные цели участников правовой коммуникации. Человек в праве не является заложником «слепой» борьбы противоположностей (действия соответствующего закона), не они управляют им, ведут его к намеченной цели, а он управляет собой, исходя из собственной системы ценностей и своих личных интересов, поступая нередко вопреки «объективным» экономическим законам или своим природным инстинктам.

Марксизм преувеличивает роль экономического фактора в своей теории социального прогресса. Как справедливо заметил Р. Нисбет, для всей западной идеи прогресса характерна «убежденность в величии Западной цивилизации и даже ее превосходстве над другими цивилизациями; высокая ценность, приписываемая экономическому и технологическому развитию» [Нисбет 2007, с. 475]. Он в качестве причины наступления кризиса идеи прогресса называет неприятие вышеназванных предпосылок как исходных аксиом сознания новыми поколениями европейцев. Даже у современных представителей западного мира, ориентированных на имущественные ценности, постепенно приходит понимание того, что социальный прогресс нельзя сводить к экономическому, что в основе западной цивилизации лежат ценности более высокого порядка – нравственно-правовые. В их разложении заключена причина глобального кризиса западного мира.

В основу социально-правового прогресса человечества не может быть положен экономический фактор, интересы экономики не могут быть безусловными императивами, «законами» социального развития. Экономика выполняет в обществе служебную роль, обеспечивает осуществление целей более высокого порядка. В политически организованном обществе приоритетными для экономической сферы являются политические цели и задачи; в правовом – нравственно-правовые. Право как коммуникативная система есть коммуникация коммуникаций, в основе ее лежат не частные (политические,

экономические и иные) интересы, а всеобщие (подробнее см.: [Архипов 2008]). Для нее политические, экономические, моральные, религиозные «законы» – это притязания частных сфер. Цель законодателя заключается не в том, чтобы подчиняться требованиям этих сфер, а в том, чтобы совмещать их рациональные притязания, руководствуясь при этом всеобщими интересами и правовыми идеалами народа.

Если закон единства и борьбы противоположностей был призван раскрыть источник социального развития, то закон отрицания отрицания – показать его направленность. В гегелевской системе представлений отрицание предыдущего отрицания не есть простой «возврат к прошлому», к исходному положению, а «новое понятие, но более высокое, более богатое понятие, чем предыдущее, ибо оно обогатилось его отрицанием или противоположностью; оно, стало быть, содержит предыдущее понятие, но содержит больше, чем только его, и есть единство его и противоположности» [Гегель 1970, с. 108]. Согласно марксистской теории, основное содержание данного закона выражается в единстве поступательности, прогрессивности и преемственности в развитии, возникновении нового и относительной повторяемости [Спиркин 1983, с. 162].

Не оспаривая ценность гегелевского открытия, можно отметить то, что сам закон отрицания отрицания не указывает траекторию, путь поступательного развития социального мира, как, впрочем, и природного мира. Это формально-логический закон, который не раскрывает направленности социально-правового прогресса, его исходного и конечного пункта. Отрицание предыдущего и возникновение чего-то нового, являющегося более богатым по содержанию, чем отрицаемое, еще не означает правового прогресса. Бесконечная череда отрицаний может быть как спиралью прогресса, так и регресса, стагнации или чередования прогресса с регрессом. По сути, «третий закон диалектики» не является законом социального развития в собственном смысле, поскольку не отвечает на главный вопрос – о его цели.

Если выбор германского народа в XX в. стал практическим опровержением гегелевской теории правового прогресса, то марксизм – теоретическим. Марксистская диалектика основана на Гегеле, стоит «на его плечах», признает и использует сформулированные им принципы, но в своем понимании социального прогресса, будущего человечества приходит к совершенно иным выводам. Она выстраивает собственную линию общественного развития, и это линия не правового прогресса, а диктатуры пролетариата, демонтажа правовой системы, существующего государственного устройства, создания коммунистического общества. Если, основываясь на одних и тех же гегелевских законах диалектики, можно вывести совершенно иную траекторию общественного развития, то это не может не вызвать сомнения в их объективности, «законности». Марксизм, возможно, сам того не желая, опроверг незыблемость законов диалектики, их всеобщий характер, их способность объяснить ход мировой истории, будущее человечества.

Законы общественного развития стремились открыть также многие представители социологической науки. В частности, основатель научного позитивизма О. Конт полагал, что ему удалось сформулировать «великий основной закон» умственного развития человечества, согласно которому эволюция разума включает в себя три ступени: теологическую, метафизическую и положительную [Социология Конта ... 1898, с. 99]. Положительная философия, т. е. философия позитивизма, представляет, по мнению изобретателя данного закона, окончательную стадию развития человеческого ума. Она есть главный «продукт» научного прогресса, высшее достижение рефлексивного сознания.

«Закон трех ступеней», на наш взгляд, отражает наличие устойчивой тенденции, наблюдаемой античными, средневековыми мыслителями, многими учеными, а также деятелями эпохи Просвещения. Речь идет о расширении и углублении знаний, развитии точных наук, в широком смысле – умственном прогрессе [Кареев 1895, с. 266, 297–298]. Научное знание заметно прогрессирует и влечет за собой прогресс технологический, промышленный, экономический, а также в других, тесно связанных с наукой

социальных сферах. Что касается нравственного прогресса, то его существование не признавалось ни в античную эпоху, ни в Новое время.

О. Конт в своем «основном законе» учел существующую тенденцию научного развития, но при этом установил искусственный предел движению научной мысли, коим является его собственное позитивистское учение. Позитивизм стал своего рода «шлагбаумом», преграждающим путь научному, интеллектуальному прогрессу. Идея завершения умственного развития человечества стадией позитивизма, как представляется, нарушает сформулированное им же условие (принцип) непрерывности прогресса [Социология Конта ... 1898, с. 33, 37]. Более того, признавая свое философское учение новой «настоящей религией, единственно полной и реальной» [Конт 1913, с. 150], родоначальник позитивизма, по сути, опровергает собственный закон: человечество, начавшее свой путь умственного развития с теологии, окончательно не преодолевает эту стадию, оно вновь возвращается к ней через позитивизм. О. Конт предлагал сторонникам его идей стать священнослужителями новой религии, вместо католических молитв он рекомендовал весьма своеобразную форму обращения к высшим силам – молитву о прогрессе Человечества [Конт 1913, с. 167].

Сама идея выделения трех ступеней, стадий умственного развития человечества принадлежит не О. Конту, а его научному наставнику Сен-Симону, который утверждал, что человеческие знания проходят в своем развитии три стадии: теологическую, предположительную, или метафизическую, и позитивную [Сен-Симон 1948, т. 1, с. 62]. Конт лишь придал этому положению статус «великого основного закона». Сен-Симону также принадлежит идея создания религии позитивизма – «нового христианства» [Сен-Симон 1948, т. 2, с. 364–435], нового культа и нового духовенства [Сен-Симон 1948, т. 1, с. 70], многих других важных положений теории О. Конта [Сен-Симон 1948, т. 2, с. 462].

Согласно концепции О. Конта, развитие человечества происходит в соответствии с естественными законами, прогресс человеческого рода есть продолжение совершенствования животного царства, где главными двигателями являются физические потребности, а также людской эгоизм, противопоставление особого интереса всеобщему. Развитие осуществляется эволюционным путем, оно не представляет собой творческий процесс, а лишь постепенное улучшение заложенных природой качеств. Прогресс предполагает, с одной стороны, изменение, совершенствование внешних условий жизнедеятельности людей; с другой стороны – самой природы человека. Вторая сторона прогресса – «это истинно человеческое совершенствование» [Конт 1912, с. 123], оно включает три вида улучшений: физической, интеллектуальной и моральной природы. Самым трудным, по его мнению, является моральный прогресс, но именно от него зависит человеческое счастье. Таким образом, прогресс начинается с изменения материальных условий, преобразования внешнего по отношению к человеку мира, затем – физических и интеллектуальных качеств индивидов, наконец их нравственной основы.

Направление эволюции – от животных инстинктов, биологической природы, – к социальным правилам, к общественной, «второй природе». Скорость преобразований зависит от условий среды и внутренних, заложенных в человеческом организме качеств, в этом пункте позиция О. Конта также совпадает с позицией Сен-Симона [Сен-Симон 1948, т. 1, с. 164, 242, 256]. Первоначально климат, другие внешние условия играют заметную роль в развитии человеческого рода, затем их влияние начинает ослабевать. Что касается социальных условий, то темпы эволюции зависят от существующего в обществе разделения труда, а также от роста народонаселения: чем больше плотность населения, тем быстрее идет развитие. Удлинение срока жизни людей не ускоряет, а замедляет прогресс, безграничная жизнь приведет к полному исчезновению прогресса [Социология Конта ... 1898, с. 96]. Основатель позитивизма полагал, что ускорить или замедлить процесс развития возможно, он отмечал влияние христианской религии, французской революции на его динамику, но изменить закономерный, «естественный» ход истории нельзя.

По мнению О. Конта, прогресс не приводит к исчезновению неравенства, напротив, он порождает еще большее неравенство людей как в интеллектуальном, так и в моральном отношении; что касается материального неравенства, то оно может быть уменьшено. Он полагал, что развитие разума приведет к обузданию человеческого эгоизма, в будущем в результате социального сотрудничества чувство солидарности будет возрастать, частный интерес будет подчинен всеобщему. Действие естественных законов приведет к социальной гармонии, общественному порядку. Одно из ключевых положений теории О. Конта – прогресс как развитие порядка (заложенного в естественных законах).

Что касается отношения к праву, его роли в развитии человечества, улучшении его природы, то оно у родоначальника позитивизма весьма негативное. Он писал: «Слово право должно быть... строго изгнано из политического языка, как слово случай из истинного философского языка» [Конт 1913, с. 172]. «Мнимые человеческие права» лишь развивают природный эгоизм, тем самым приносят вред, а не пользу обществу. По его убеждению, «идея права безвозвратно исчезает», «единственное право, которым каждый человек обладает, – это право выполнять свой долг» [Там же, с. 173]. Таким образом, праву нет места в его картине будущего мироустройства.

Исходя из той предпосылки, что «позитивное» будущее предполагает социальную солидарность, доминирование общих интересов над частными, О. Конт сформулировал основания своей «позитивной теории собственности». С его точки зрения, современная собственность является антиобщественной, несправедливой, аморальной. Она не должна быть индивидуалистической, эгоизм собственности должен быть преодолен, ее необходимо подчинить социальным интересам. Поскольку естественный порядок меняется, то вместе с ним должна меняться и собственность. Собственность должна стать социальной функцией, должна служить обществу, индивидуалистическая собственность не соответствует «окончательному современному строю». Но «обуздать» собственность он призывал не политическими мерами и не законом – по его убеждению, мораль должна стать главным ограничителем собственности. При этом он допускал в случае злоупотребления собственностью возможность ее конфискации [Конт 1913, с. 22].

Таким образом, законы естественного развития человечества, согласно О. Конту, не предполагают правового прогресса. Он, как и его главные оппоненты коммунисты, не видел смысла стремиться к правовым идеалам, для французского социолога правовая свобода имела скорее отрицательный, чем положительный смысл, не соответствующий его представлениям об «окончательном» социальном строе. Вместо свободного мира, основанного на совмещении правовых интересов индивидов, он предлагал религиозное братство под руководством новой церкви и «правительства трех пролетариев» [Конт 1913, с. 188–190].

В своих рассуждениях о ступенях умственного развития О. Конт, как и его научный наставник Сен-Симон, исходил из того, что интеллектуальный прогресс зависит, прежде всего, от биологической природы человека, от его естественных задатков. Однако Сен-Симон приводил множество примеров, когда люди, оказавшиеся в силу определенных обстоятельств вне общества, формируются как природные существа, разум которых мало отличается от других представителей данного мира, относящихся к классу высокоорганизованных животных. Тем самым он в определенной мере опровергал собственный тезис об особой ценности природной организации человека с точки зрения прогресса. На наш взгляд, примеры Сен-Симона могут служить аргументом в пользу принципиально иного вывода о том, что прогресс разума невозможен без прогресса социально-правовых институтов. Чтобы достичь современного интеллектуального состояния, человечеству потребовалось создать сложную систему научных и учебных заведений: университетов, академий, школ, библиотек, других образовательных и воспитательных учреждений. Наконец, необходимо было создать государство, законодательные и судебные органы, налоговую систему, финансово обеспечивающую

умственный прогресс человечества. Без этой социально-правовой основы умственный прогресс был бы в принципе невозможен.

Другой родоначальник социологической науки, Дж. Ст. Милль, также полагал возможным установление общих законов социальной сферы, хотя, учитывая наличие огромного числа факторов, множества условий, оказывающих влияние на общественное развитие, признавал невероятную сложность этой научной задачи. Он писал: «Я убежден, что в обществе, несмотря на случайные и временные отклонения, дело идет и впредь будет идти к лучшему и более счастливому состоянию. Но это – уже не вопрос метода социальной науки, а теорема самой этой науки» [Милль 1914, с. 831].

Автор «Системы логики» утверждал, что социальные отношения, общественный прогресс определяются человеческой природой, «соединяясь в общество, люди не превращаются в нечто другое, обладающее другими свойствами... В общественной жизни люди обладают лишь такими свойствами, которые вытекают из законов природы отдельного человека и могут быть к ним сведены» [Милль 1914, с. 798]. В его системе представлений, которую условно можно назвать «теорией природной детерминации», первая, животная, природа человека непосредственно определяет вторую – социальную; низшая сфера определяет высшую. Естественные качества человека, «строй человеческой души» положены им в основу социальных процессов, от них зависит, каким образом и в каком порядке будет происходить прогресс человечества, и будет ли вообще происходить.

Согласно прогнозу Дж. Ст. Милля, прогрессивное развитие человечества будет протекать до известной степени единообразно, причем с течением времени это единообразие должно усиливаться. Он связывал данный процесс с взаимным влиянием народов, культур, цивилизаций. Среди факторов социального прогресса в качестве главного, имеющего «верховное значение», он выделял «состояние мыслительных способностей людей» [Милль 1914, с. 843]. В него он включал три элемента: верования людей, объем их знаний, степень умственного развития. Прогресс промышленности, а также нравственное развитие он считал производными элементами, следствиями интеллектуального прогресса.

Сами законы общественного развития, социального прогресса Дж. Ст. Милль, в отличие от Гегеля или Маркса, не формулировал, но предполагал их существование, а также возможность их открытия в будущем. По его мнению, данные законы (он их относил к законам «социальной динамики») нельзя ставить в один ряд с законами природы, причинной связи, поскольку их истинность не абсолютна. Он их именовал «эмпирическими законами», т. е. речь идет не о законах в строгом смысле, а скорее о наблюдаемых во всемирной истории тенденциях социального развития: «Как бы ни были всеобщими законы социального развития, они не могут быть более всеобщими или более строгими, чем законы физических деятелей» [Милль 1914, с. 853]. Под «законами физических деятелей» английский социолог, очевидно, понимал воздействие на ход истории выдающихся личностей: политиков, полководцев, ученых, философов. Они, согласно его точке зрения, способны значительно ускорить социальный прогресс, повлиять на динамику общественных процессов.

Теория социального развития Дж. Ст. Милля, на наш взгляд, представляет собой своего рода суррогат, основательно выхолащенную, разбавленную различного рода теоретическими сомнениями версию кантовской теории прогресса. С одной стороны, в ней присутствует убежденность автора в том, что естественная природа человека непосредственно определяет его социальное бытие; с другой стороны, он не отказывается от «чувства свободы», от способности людей (выдающихся личностей) оказывать влияние на социальный прогресс. Он внутренне не был уверен в том, что в ближайшей перспективе законы социального прогресса будут открыты, и у него совершенно «нет надежды на то, чтобы законы общественных явлений... позволили нам за тысячи лет вперед предсказывать историю общества, как мы предсказываем историю небесных явлений» [Милль 1914, с. 797].

Еще одним продолжателем эволюционистских идей Сен-Симона, О. Конта и Дж. Ст. Милля был Г. Л. Спенсер. Он выделял три вида (рода) развития: неорганическое, органическое, над-органическое (общественное); был убежден в том, что социальное развитие неизбежно приведет к общественной солидарности, счастью и процветанию. Счастье – это конечная цель социальной эволюции человечества [Спенсер 1899, т. 1, с. 153]. Закон развития всего земного, включая природу и общество, согласно его концепции, – превращение однородного в гетерогенное, разнородное.

Г. Л. Спенсер, как и Ч. Р. Дарвин, полагал, что естественный отбор и наследование приобретенных характеристик являются главными движущими силами эволюции. При этом механизм естественного отбора, по мнению английского социолога, постепенно по мере развития умственных и моральных качеств человека уступает место механизму наследования приобретенных свойств, второй замещает первый. Одно из ключевых положений Г. Л. Спенсера, относящихся к эволюции животного мира и к человеку, – принцип выживания наиболее приспособленных. Он представляет собой модифицированную идею естественного отбора, борьбы живых организмов за свое существование. Наиболее приспособленный, с его точки зрения, не означает лучший. Как последовательный социальный дарвинист, автор данного положения видел в нем исходное начало, закон развития не только природного, но и социального мира. Общество рассматривалось им подобно живому организму, оно не формируется, не создается, а рождается, растет, приспособливается к внешней среде и т. д.

По мнению Г. Л. Спенсера, существует множество факторов социального развития, внешних и внутренних. К числу внешних факторов он относил: климат, почву, растительность, окружающий животный мир и др. К внутренним – физические качества людей, плотность населения, орудия труда, технологии, язык, науку и др. Увеличение плотности населения ведет к усложнению социальной организации, структурной дифференциации общества, разделению труда, специализации. Сложноорганизованным социальным системам свойственна высокая степень взаимной зависимости между составляющими их элементами; при глубокой дифференциации части целого не в состоянии осуществлять функции друг друга. Он отмечал в качестве общей тенденции: «В обществах, как и среди живых существ, возрастание общей массы сопровождается обыкновенно возрастанием сложности строения. Параллельно с тою интеграцией, которая составляет первичную черту развития, в обоих этих случаях обнаруживается в высокой степени и вторичная черта развития, заключающаяся в дифференциации» [Спенсер 1898, с. 292].

Главное отличие человеческого общества по сравнению с организмом животного, согласно его концепции, заключается в том, что человеческое общество представляет собой раздельное целое, все части которого свободны, в нем сознание разлито по всему целому, является достоянием каждой его части. В живом же организме, напротив, оно аккумулируется в одном месте, другие части организма не обладают сознанием.

Общество существует для блага его членов. Г. Л. Спенсер выделял два типа обществ: 1) воинственный и 2) промышленный. Первый тип представляет собой централизованную, иерархическую систему, созданную для военных целей, в этом обществе армия есть мобилизованный народ. Второй тип представляет собой добровольную кооперацию граждан, основанную на принципах свободного обмена, торговли, согласования интересов. Второй тип, по его мнению, является более прогрессивным, чем первый, однако это не означает, что промышленное общество не может деградировать в силу определенных причин в сторону первого типа.

В своей эволюционной теории Г. Л. Спенсер исходил из принципа саморазвития общества, при этом полагал, что естественный процесс эволюции в результате формирования этических норм подвергается нравственному контролю и в определенной степени регулированию. В отличие от И. Канта он считал, что нравственный закон изначально не заложен в человеческом сознании, представляет собой результат социального опыта, формируется в ходе исторического развития человечества. У людей

нет врожденного понятия о добре и зле, этические чувства зарождаются и крепнут в результате их социальной деятельности, этика вытекает из природы и жизни. Человеческая справедливость, по его мнению, представляет собой дальнейшее развитие до-человеческой справедливости. Степень общественной справедливости определяется достигнутым уровнем социальной организации, сплоченности людей.

Автор «Оснований этики» выступал против искусственного метода формирования граждан, но допускал возможность целенаправленного воспитательного воздействия на них государства, других социальных учреждений для лучшей адаптации к общественной жизни. Он утверждал, что человеческую природу можно изменить, но этот процесс весьма долгий и нелегкий: «Большинство людей считает природу человеческую неизменной, некоторые держатся того мнения, что она способна быстро изменяться. Оба эти воззрения ошибочны. Можно достигнуть крупных изменений в ней, но только в течение многих поколений: незначительные изменения, подобные особенностям, отличающим нации между собою, требуют столетий; крупные же перемены, каково превращение эгоистической природы человека в альтруистическую, – потребуют целых эр» [Спенсер 1899, т. 2, с. 230].

Г. Л. Спенсер, на наш взгляд, преувеличивал значение биологического фактора в социальном развитии человечества, что проявилось в приложении им теории естественного отбора к социальной сфере, в его собственной формуле выживания наиболее приспособленных, в признании непосредственной обусловленности эволюции общества внешней средой, материальными условиями жизни. Для него характерно отношение к обществу как к биологической субстанции, природному организму, его учение о социальном развитии, как и представления других родоначальников социологической науки, можно назвать «теорией природной детерминации общества». Он не усматривал принципиального отличия общества от природных существ, животных, что в конечном счете определило результаты его исследования, сформулированные им законы социального развития. У него, как и у О. Конта, Дж. Ст. Милля, нет понимания роли права, социально-правовых институтов в общественном развитии, в эволюции нравственного сознания человечества. Английский социолог был убежден в том, что нравственный прогресс возможен без целенаправленного правового воздействия на общественное сознание, без формирования правовой культуры народа.

Одно из главных замечаний, высказанных в адрес Г. Л. Спенсера его критиками, заключается в том, что в его теоретических построениях прослеживается «откровенно телеологическая точка зрения» [Спенсер 1899, т. 2, с. 252]. Данное замечание представляется вполне обоснованным, верным; в своем ответе на него он указал: «Странно требовать, чтобы наука, имеющая своим предметом характер целей, преследуемых людьми, и характер средств, прилагаемых для достижения этих целей, – ограничивались положениями, в которых цели не подразумевались бы. Известного рода телеология подразумевается сама собой» [Там же]. На наш взгляд, он или не понял сути критики, или сделал вид, что не понял. Вопрос принципиальный и касается не только концепции Г. Л. Спенсера, но и всех родоначальников социологической науки, а также указанных выше философских воззрений на социальный прогресс.

Речь в них идет не о целях, преследуемых людьми, а о целях внешних, предустановленных: о «тайном замысле природы» (Кант), цели саморазвития мирового духа (Гегель), о целях, заключенных в «естественных» законах социальной эволюции (О. Конт, К. А. Сен-Симон, Дж. Ст. Милль, Г. Л. Спенсер), которые сами социологи не могут точно определить. Авторы научных концепций, предполагающих наличие такого рода предустановленных целей, по вполне понятным причинам не называют те Высшие силы, которые установили их для человечества вместе с «объективными» законами общественного развития, но поскольку есть цели, то должны быть и субъекты, их установившие.

В вышеназванных учениях о социальном прогрессе заключено внутреннее противоречие между принципом «естественной» направленности хода человеческой истории

и принципом свободы воли, предполагающим способность принимать судьбоносные решения, делать собственный жизненный выбор. Принципиальное отличие человека от иных живых существ, включая всех высокоорганизованных животных, состоит в том, что человек способен менять, преобразовывать окружающий его природный мир, кроме того, создавать в соответствии со своими социально-правовыми идеалами новый социальный мир – «вторую природу»; жить не по правилам естественного отбора, борьбы живых организмов за свое существование, а по созданным им нравственно-правовым нормам.

Родоначалники социологической науки относились к человеку не как к наделенному сознанием творцу, созидателю собственного мира, а как к животному, движимому биологическими инстинктами. О. Конт, Дж. Ст. Милль и Г. Л. Спенсер в своих попытках свести воедино два разных мира оказались в шпагате: одной ногой они прочно стоят на биологической почве, другой – пытаются нащупать почву социальную. Но это две разные сферы, которые живут по принципиально различным законам, и определять траекторию социального развития, исходя из законов животного мира, недопустимо. В этих теориях, на наш взгляд, изначально заложена грубая методологическая ошибка, заключающаяся в том, что нельзя законы естественных инстинктов (биологии) переносить в социальную сферу, в основе которой лежат нравственные нормы и правовые идеалы, на биологическом фундаменте невозможно выстроить теорию общественного прогресса. Социологическая наука, по сути, загнала себя в тупик, следуя идее естественного развития человечества. Она оказалась не в состоянии прогнозировать социальное будущее, поскольку оно не определяется первой, т. е. биологической, природой человека.

Если следовать установленной родоначалниками социологической науки традиции непременно формулировать «объективные» законы общественного развития, то можно предложить в качестве альтернативы заявленных ими свой собственный «естественный» закон социального прогресса, согласно которому с переходом человечества от биологического к социальному состоянию внешнее целеполагание (осуществление людьми «тайного замысла природы» или иных неведомых им предустановленных целей) сменяется внутренним целеполаганием – осознанным социально-правовым выбором самого человечества. Этот закон предполагает решающее значение в социальном развитии не внешних факторов и не «естественной», биологической природы человека, а внутренних: его сознания, воли, социально-правовых идеалов. Из него следует, что человечество на определенном этапе перестает быть заложником действия внешних, природных сил, становится творцом собственной – социальной истории. Также он предполагает отсутствие преемственности между так называемой «до-человеческой справедливостью» и социальной – «человеческой». Нравственность и правовые нормы не есть слепок, снятый человеком с отношений между представителями животного мира, в их основе лежит не биологическая, а духовная сущность человека.

В истории человечества условно можно выделить два этапа: первый – «стихийный», когда доминируют биологические инстинкты, действуют механизмы естественного отбора, выживания наиболее приспособленных, еще не сформирована система нравственно-правовых ценностей, не сложились принципы социальной коммуникации. Второй – когда начинает проявлять себя социальная, «вторая» природа человека, действуют этические нормы и правовые законы, когда главным субъектом прогресса становятся не отдельные нации и государства, а человечество как социально-правовое целое (первоначально через систему международного права и международных организаций, а затем как международный союз государств, созданный «во имя всеобщего мира»). Если на первом этапе истории человек есть существо, движимое внешней стихией и собственными природными инстинктами, то второй этап – это «рукотворная», «предсказуемая» история, основанная на разумном целеполагании, свободном выборе людей. Это этап действительно всеобщей истории человечества, а не отдельных социальных общностей, народов и государств.

Поскольку «рукотворная» социальная история зависит от воли человечества, его свободного выбора, то этот этап не является с точки зрения социологии «естественным». Естественный, эволюционный ход истории заканчивается вместе с господством биологических инстинктов, рациональная система мироустройства предполагает «неестественный» ход истории, в котором природные законы уступают место искусственным – социальным. Социальное развитие не есть продолжение естественного, биологического развития, напротив, оно представляет собой преодоление заложенных в человеке животных инстинктов, формирование новых качеств и новой человеческой природы. Так как оно предполагает формирование новой природы, то не может быть по своему типу эволюционным, это этап не стихийного, а прогрессивного, целенаправленного развития человечества.

В новой социальной истории праву должно принадлежать особое место, оно призвано выполнять важнейшую роль в процессе общественного развития. Социальный прогресс – это прежде всего прогресс правовых институтов, правового сознания и культуры [Семитко 1996]. Право создает необходимую основу для рационального и справедливого мироустройства, для модернизации общества. Посредством правовых законов осуществляются социальные новации, происходит целенаправленное воздействие на сознание и поведение участников общественных отношений, вытесняются из социальной жизни рудименты «первой природы» человека, поощряются акты социальной солидарности, альтруизма, культивируются гуманизм, доброжелательное отношение к людям.

Чтобы социально-правовой прогресс стал закономерным, он должен опираться не на природные инстинкты человека, а на систему правовой организации общества. В этой системе идея социального прогресса должна быть не отвлеченным философским воззрением, а краеугольным камнем общественного сознания, она должна культивироваться в обществе, укорениться в нем. Правовой прогресс лишь тогда может стать законом общественной жизни, когда лежащая в его основе идея станет законом общественного сознания.

Также важно, чтобы она вошла в предметное поле юридической науки в качестве стержневого элемента. Юриспруденция из эмпирической науки, толкующей волю законодателя, должна трансформироваться в науку социально-правового прогресса, нацеленную на правовое будущее человечества. Речь идет не о создании юристами абстрактных моделей идеального общества, а о воплощении ими рациональных целей, устремлений участников правовой коммуникации в проектируемых новых социально-правовых институтах, формирующихся отраслях права, в более совершенных формах взаимодействия субъектов права, конструкциях правовых отношений.

В обществе, которое нацелено на социально-правовой прогресс, главной движущей силой, как справедливо отмечает А. П. Семитко, должно быть профессиональное юридическое сообщество; юристы должны служить праву, осуществлять правовые идеалы [Семитко 1996, с. 210–212]. Сегодня многие представители юридического сообщества предпочитают служить власти, они сами не стремятся идти по «лестнице правового прогресса» и других не призывают выбирать правовой путь развития. Вместо того чтобы вести за собой человечество к совершенному правовому мироустройству, они выступают тормозом социального прогресса, сдерживают правовое развитие общества. Для изменения сложившейся ситуации необходимо разделить две коммуникативные системы, отделить право от политики, юридическое сообщество от власти.

Также важнейшим условием прогрессивного развития общества является наличие правовой инфраструктуры. Как уже отмечалось, правовой прогресс – это прогресс правовых институтов. Невозможно создать совершенное общественное устройство, если на не подготовленных к правотворческой деятельности людей возлагается осуществление сложнейшей социальной функции законодателя. В правовой коммуникации политический институт народного представительства является инородным телом, он был прогрессивен в период борьбы против абсолютизма, в современном же мире он утра-

тил свою прогрессивность. Сегодня правовой системе нужны не дилетанты, а те, кто способен «шить правовые сапоги». На наш взгляд, альтернативой институту народного представительства может стать институт правового представительства [Архипов 2017], созданный с учетом опыта правотворческой деятельности римских юристов. Кроме того, в правовом обществе суд не должен принадлежать государству, быть элементом (ветвью) государственной власти. Суд, как правовой орган, должен быть независим от сторон, включая государство. В обществе, нацеленном на правовой прогресс, должна существовать эффективная система органов, учреждений, осуществляющих не только правовое регулирование, но и правовое воспитание, образование граждан, а также исполнительные, контрольно-надзорные и другие функции.

Понятие правовой инфраструктуры общества предполагает кроме системы учреждений, органов наличие заинтересованных в правовом прогрессе социальных групп населения. В обществе, расколотом на враждующие классы, невозможно создать прочный правовой фундамент, в нем господствует политическая форма коммуникации. Для поступательного правового развития оно должно быть достаточно однородным, неантагонистическим, его основу должен составлять средний класс, поскольку именно он нуждается в правовой коммуникации, является главным носителем правовых ценностей, идеалов. В нем аккумулируется правовой опыт свободного предпринимательства, взаимовыгодного сотрудничества, социальной кооперации. Закономерность, устойчивость процесса правового развития напрямую зависит от состояния среднего класса: от его численности, сплоченности, активности, степени заинтересованности в правовых преобразованиях общества, знаний, культуры.

Наконец, важнейшим фактором устойчивости, поступательности правового прогресса является формирование человечества как социально-правовой общности. В Новое время заметной вехой процесса правового развития стало формирование наций как социально-правовых образований. Правовая идентификация народов через систему их национального права, с одной стороны, привела к их политико-правовому обособлению; с другой стороны – к более тесному правовому единению граждан, развитию национально-правового сознания, культуры. Еще более значимым событием стало зарождение западной правовой цивилизации как культурно-правовой целостности, основу которой составили идеалы правового государства, теория прав человека, другие социально-правовые ценности. По сути, это новая ступень правовой интеграции народов, их правового прогресса. Но высшей стадией процесса правовой интеграции, единения народов, на наш взгляд, является формирование человечества как глобальной правовой общности.

Кантовская мечта об объединении человечества на основе общих принципов права лишь в XX в. стала воплощаться в реальность. Лига Наций, ООН, система международного права, юридически обязывающие договоры, конвенции, декларации – тот фундамент, на котором началось зарождение глобального правового объединения. Это лишь начальная стадия процесса, впереди еще сложный путь «борьбы суверенитетов», противостояния Запада и Востока, отдельных «полюсов», который в конечном счете может привести к созданию высшей правовой целостности. Без ее формирования, без внешних гарантий безопасности попытки отдельных государств и народов создать идеальное правовое мироустройство обречены на провал.

Список источников

- Архипов С. И. Идея законодательного суда и правового представительства как альтернатива народному представительству // *Российское право: образование, практика, наука*. 2017. № 6 (102). С. 45–51.
- Архипов С. И. Понятие правовой коммуникации // *Российский юридический журнал*. 2008. № 6 (63). С. 7–17.
- Гегель Г. В. Ф. *Наука логики* : в 3 т. Т. 1. М. : Мысль, 1970. 501 с.
- Гегель Г. В. Ф. *Философия права* : пер. с нем. М. : Мысль, 1990. 524 с.

- Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук : в 3 т. Т. 1 : Наука логики. М. : Мысль, 1974. 452 с.
- Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Собрание сочинений : в 8 т. Юбилейное издание 1794–1994 / под общ. ред. проф. А. В. Гулыги. Т. 8 : Статьи. Лекции. Избранные письма. Из рукописного наследия. М. : Чоро, 1994. С. 12–28.
- Кареев Н. И. Идея прогресса в ее историческом развитии // Кареев Н. И. Историко-философские и социологические этюды. СПб. : Тип. Н. И. Скороходова, 1895. С. 260–299.
- Конт О. Общий обзор позитивизма. Ч. 1-2 / пер. И. А. Шапиро ; под ред. Э. Л. Радлова. СПб. : Брокгауз – Ефрон, 1912. С. 47–136. (Родоначальники позитивизма. Вып. 4).
- Конт О. Общий обзор позитивизма. Ч. 3-5 / пер. И. А. Шапиро ; под ред. Э. Л. Радлова. СПб. : Брокгауз – Ефрон, 1913. 200 с. (Родоначальники позитивизма. Вып. 5).
- Ленин В. И. Полное собр. соч. : в 55 т. Изд. 5-е. Т. 44. М. : Политиздат, 1970. 726 с.
- Милль Дж. Ст. Система логики силлогистической и индуктивной: изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования / пер. с англ. под ред. [и с предисл.] прив. доц. Моск. ун-та В. Н. Ивановского. 2-е изд., вновь обработ. М. : Г. А. Леман, 1914. LXXXIV, 880 с.
- Нисбет Р. Прогресс: история идеи / пер. с англ. [под ред. Ю. Кузнецова и Гр. Сапова]. М. : ИРИСЭН, 2007. 557 с.
- Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Изд. 3-е, стер. М. : Статут, 2001. 354 с.
- Поппер К. Ницета историцизма / пер. с англ. С. А. Кудриной. М. : Прогресс : VIA, 1993. 187 с.
- Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург : Изд-во УрГЮА : Изд-во Гуманитарного ун-та, 1996. 313 с.
- Сен-Симон К. А. Избранные сочинения / пер. с фр. под ред. и с коммент. Л. С. Цетлина ; вступит. ст. В. П. Волгина : в 2 т. Т. 1. М. ; Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1948. 468 с.
- Сен-Симон К. А. Избранные сочинения / пер. с фр. под ред. и с коммент. Л. С. Цетлина ; вступит. ст. В. П. Волгина : в 2 т. Т. 2. М. ; Ленинград : Изд. Акад. наук СССР, 1948. 486 с.
- Социология Конта в изложении Риголажа: с приложением двух вступительных лекций Конта в «Курс положительной философии» / пер. с фр. Н. Лосского. СПб. : Изд. Л. Ф. Пантелеева, 1898. 408 с.
- Спенсер Г. Л. Сочинения : в 7 т. Т. 4 : Основания социологии. Ч. 1 : Данные социологии ; ч. 2 : Индукция социологии. СПб. : Тип. А. Пороховщикова, 1898. 432 с.
- Спенсер Г. Л. Сочинения : в 7 т. Т. 1 : Основания этики. Ч. 2, 3. СПб. : Тип. «Издатель», 1899. 158 с.
- Спенсер Г. Л. Сочинения : в 7 т. Т. 2 : Основания этики. Ч. 4–6. СПб. : Тип. «Издатель», 1899. 266 с.
- Сpirкин А. Г. Диалектический материализм // Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М. : Сов. энциклопедия, 1983. С. 159–163.

Информация об авторе

Сергей Иванович Архипов, д-р юрид. наук, профессор кафедры теории государства и права, ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева» (Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Sergey I. Arkhipov, Dr. Sci. (Law), Professor at the Theory of State and Law Department, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russia).

Статья поступила в редакцию | Submitted 24.02.2024.

Одобрена после рецензирования | Revised 22.03.2024.

Принята к публикации | Accepted 15.04.2024.